

12. Бутрос Гали. Развитие и международное экономическое сотрудничество // Государство и право. - 2005.- № 1. - С. 9-11.
13. Щедрова Г. П. Громадянське суспільство, права держава і політична свідомість громадян. - К.: ІСДО, 1994. – С.83.
14. Тацій В. Утвердження і забезпечення прав і свобод людини – головний конституційний обов'язок демократичної, правової, соціальної держави // Вісник АПНУ. -2000.- № 14 (23) – С.10, С.13.

SUMMARY

The questions of philosophical and social subsoil of research of the phenomenon of civil society and his development are probed in the article. Actuality of select theme consists in because civil society needs existence of the legal state as pre-condition. At the same time, only the stable civil society developed, does possible formation of the legal state, is basis of the stable democratic political mode and authoritative power.

Key words: civil society, democracy, legal state.

Рышард СТЕФАНЬСКИ

© 2009

КОГЕРЕНТНОСТЬ-ДИФЕРЕНТНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Целью данной статьи является попытка найти ответ на вопрос, имеют ли интегрирующиеся в пределах Евросоюза европейцы какие-либо общие ценности, существует ли между этими ценностями когерентность, или же такого явления нет, и, может быть, их даже невозможно объединить в одно целое. А следовательно, что могло бы идентифицировать и интегрировать европейцев?

В сущности, заглавие статьи, более адекватно отражающее содержание этого текста, должно звучать: «Когерентность-диферентность ценностей Евросоюза», или же менее научно – «Связность и ее недостаток в наборе принципов и ценностей, которые должны объединять институты и сообщество Евросоюза». Ведь понятие *европейские ценности* необязательно должно являться и является тождественным понятию *ценности ЕС*. Однако, к моему удивлению, во время дискуссии о содержании этого доклада на конференции в Севастополе в мае 2007 г., в которой принимали участие русские, украинцы и поляки, все отчетливо понимали о чем идет речь; ни русских, ни украинцев, ни поляков не возмущала идентификация Европы и ее ценностей с границами ЕС. Наоборот, оппоненты хором подтвердили адекватность заглавия статьи, и никого это не возмущало, поскольку русская культура, лишь на первый взгляд входит в состав европейской культуры – действительно она имеет очень сильно выраженный автономный характер.

Пора перейти к сути вопроса.

Чтобы выявить те ценности и принципы, которые признают жители ЕС, а точнее представляющие их институты (что не одно и то же), мы обратились к содержанию проекта Договора Европейского Союза, Конституции для Европы, Хартии основных прав Европейского Союза, а также к тем текстам, которые не входят в состав этих документов, но, судя по содержанию, естественно из них вытекают. Можно даже упрекнуть европейцев, что они не хотят общей конституции: конституция ЕС была отвергнута двумя государствами «старого Евросоюза» (Франция, Нидерланды), а Лиссабонский трактат на референдуме отвергли ирландцы. Зачем, тогда, морочить голову читателям этим вопросом? Однако все не так просто – судя по содержанию деклараций лидеров государств, входящих в состав ЕС, для того, чтобы эта организация могла существовать – рано или поздно (и, кажется, скорее раньше, чем позже) – придется вернуться к этому трактату. Может быть следует изменить некоторые детали в конкретных параграфах, но аксиологические основы не должны изменяться, они лишь должны быть дополнены некоторыми новыми положениями. Кроме того, Хартия основных прав ЕС, которая должна представлять единство с Конституцией, уже вошла в действие в ЕС (напомним, она была принята членами ЕС в Ницце в 2000 г.).

Итак, давайте перейдем к преамбуле отвергнутого проекта:

«...вдохновляемые культурным, религиозным и гуманистическим наследием Европы, давшим развитие универсальным ценностям нерушимых и неотъемлемых **прав личности, свободы, демократии, равенства и правового государства,**

полагая, что Европа, отныне и навсегда объединенная после накопленного горького опыта, стремится продвигаться по пути **цивилизации, прогресса и процветания**, на благо всех его жителей, включая наиболее слабых и обездоленных; что она хочет сохранить континент открытым для **культуры, знаний и общественного прогресса**; и что она желает углубить **демократичность** и прозрачность общественной жизни и стремится к достижению **мира, правосудия и солидарности** во всем мире,

будучи убежденными, что, сохраняя гордость своей национальной самобытности и истории, народы Европы полны решимости преодолеть былые различия и, еще более объединившись, сковать свою общую судьбу,

будучи убежденными, что, „**объединенная в многообразии**” Европа предоставляет им наилучшую возможность стремиться, при уважении прав каждого лица и с осознанием их **ответственности перед грядущими поколениями и планетой Земля**, к великому начинанию, которое превращает ее в особое пространство надежды людей (...),

исполненные признательности членам Европейского Конвента за разработку проекта этой Конституции от имени граждан и государств Европы

(...), которые (...) договорились о нижеследующем...»⁸¹

И в этом месте мы перейдем к отдельным статьям этого документа, из которых наиболее интересными являются:

статья I-1, где, в частности, говорится, что «Евросоюз **открыт** для всех европейских государств, которые уважают его ценности и обязуются способствовать их совместному сохранению»,

целая статья I-2, развивающая мысль, содержащуюся в преамбуле: «Евросоюз основан на ценностях уважения **человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства** и на **уважении прав человека**, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для государств-членов в обществе, в котором преобладают **плюрализм, недискриминация, терпимость, справедливость, солидарность и равенство между женщинами и мужчинами**»,

далее статья I-3, в которой говорится, что «Целями Евросоюза являются содействие укреплению **мира**, утверждению **ценностей** Евросоюза и **благополучия** его народов», кроме того Евросоюз «предлагает **свободную** и гармоничную **конкуренцию**, его деятельность направлена на **устойчивое развитие** (основанное на сбалансированном экономическом росте и социально-ориентированной рыночной экономике, нацеленной на обеспечение полной занятости) и высоком уровне **защиты окружающей среды**», он «способствует **научно-технологическому прогрессу**», «**экономической, социальной и территориальной сплоченности и солидарности** между государствами-членами», борется с **социальным отторжением и дискриминацией**, «способствует **обеспечению социальной справедливости и защиты, равенства между женщинами и мужчинами, солидарности** между поколениями и **защиты прав ребенка**». В своих отношениях с внешним миром ЕС должен добиваться «уважения принципов Устава ООН»,

а согласно статье I-4 ЕС должен гарантировать «в своих рамках **свободное движение людей, услуг, товаров и капитала**, также как и **свободу осуществления собственного дела и экономической деятельности**».

Следует отметить, что вышеперечисленные ценности и принципы функционирования ЕС представляются нам скорее как хаотический набор, а не аксиологическая система, которая помогла бы создать европейскую самостоительность. **Отвержение конституции не является большой потерей**. Следует отметить, что Хартия основных прав ЕС гораздо более упорядочена в этом отношении (кроме преамбулы, которая похожа на преамбулу проекта Конституции ЕС⁸²), в

⁸¹ Здесь и далее в цитатах особо важные фрагменты выделены мной – P.C.

⁸² «... Сознательное свое духовное и нравственное наследие, Евросоюз основан на неделимых, **универсальных ценностях – человеческом достоинстве, свободе, равенстве и солидарности**; он базируется на принципах демократии и верховенстве закона. Он помещает **индивидуума** в центр своей деятельности, учреждая гражданство Евросоюза и создавая пространство **свободы, безопасности и правосудия**...».

ее статьях перечислены категории, которые должны являться главными ценностями и принципами, вокруг которых должны быть сгруппированы другие, родственные категории, дополняющие их содержание. Это:

- достоинство,
- свобода,
- равенство,
- солидарность,
- гражданские права,
- правосудие.

Разберемся сначала с категорией достоинства.

Эта, первая категория, на первый взгляд, ассоциируется нам с христианской идеей, а точнее, с западнохристианской идеей, лучшим примером которой является философия **персонализма** (ее представителем был Кароль Войтыла). Это он говорил об исключительности, неповторимости и разумности существования человека, который, с одной стороны, представляет собой собственное «я», а с другой стороны, содержит видовые особенности. Эти два элемента взаимодополняются, ибо тем лучше человек знает самого себя, чем больше интерперсональных отношений он устанавливает. Человек вступает в отношения с другими людьми путем действий, а если они имеют намеренный характер, то получают нравственное измерение. Итак, человек как существо, наделенное сознанием, отвечает за свои действия. Не странно, что человек, как неповторимое, исключительное и незаменимое существо, должен реализоваться, делая добро другим людям: «...самообладание и владение собой обозначает готовность бескорыстно дарить самого себя. Только те, кто обладает собой, могут бескорыстно дарить самого себя. И только те, кто принадлежит самому себе, может также дарить самого себя другим (...). Именно тогда, когда человек дарит самого себя другому человеку, он в наиболее полной мере становится самим собой»⁸³.

Таково ли было намерение создателей Хартии основных прав? Кажется, что в значительной степени да.

Во первых, человеческое достоинство неприкосновенно, его следует уважать и защищать (ст. II-1); хотя звучит это немножко загадочно, так как нет точной дефиниции основного понятия, но примеры из следующих статей выясняют нам, что хотел выразить законодатель.

Во-вторых: «Каждый человек имеет право на жизнь», и в связи с этим «Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен» (ст. II-2). Рассматривая этот пример, обнаруживаем проблемы, связанные с интерпретацией этой записи. А именно, чтобы запись, говорящая о праве на жизнь оставалась в силе, нужна точная дефиниция понятий «человек» (это, кажется, имеет в виду автор, используя слово «каждый») и «жизнь», – наиболее существенного для одушевленного мира. Можно оставить эту запись такой, какой она является, и пусть каждый (включая и государственные правовые системы, разумеется) интерпретирует ее так, как ему хочется. Однако в таком случае, невозможно, чтобы эта ценность (далее речь идет о достоинстве) была каким-то аксиологическим звеном, связывающим европейскую сообщество. Сразу приходят в голову волнующие и рознящие европейцев проблемы аборт и эвтаназии.

А что со смертным приговором? Законодатель и официальная позиция Католической Церкви в этом отношении сходны, однако это не столь очевидно, что запрет на приговоры к смертной казни и их исполнение непосредственно следует из права человека на жизнь. (Это очень сложная проблема, нужны тщательные исследования, которыми автору, несомненно, придется в будущем заняться).

Дальше речь идет (ст. II-3) об уважении физической и духовной неприкосновенности. В связи с этим в области медицины и биологии следует запретить евгеническую практику, в частности такую, которая направлена на отбор людей, использование человеческого тела и его частей в качестве источника получения прибыли, а также репродуктивное клонирование человека.

И опять появляются правовые и нравственные проблемы в этом отношении.

Если существует запрет клонирования человека, то в такой же степени запрещается клонировать конкретные органы? А если нет, то в каком месте находится граница: орган (или группа органов) – интегральная единица? Все мы знаем, что прогресс в области генетики и

---

⁸³ Wojtyła K., *Osobowa struktura samostanowienia*, [в:] *Roczniki filozoficzne*, Lublin 1981, т. XXIX, с. 11.

медицины, если не уже, то в ближайшее время позволит это сделать. Ведь именно затем создаются банки стволовых клеток из крови пуповины.

В этой же статье еще говорится о запрещении пыток, а также бесчеловечного или унижительного обращения или наказания, а также, что особенно важно, о запрещении торговли людьми, рабства и принудительного труда.

Перейдем к следующей ценности, указанной и описанной в Хартии основных прав, – к свободе.

Кажется, что достоинство человека и его свобода должны взаимодополняться, однако, это вовсе не обязательно, особенно, когда эти ценности восходят к разным аксиологическим системам: первая – к христианской мысли, вторая – к широко понимаемой философии Просвещения, «правое крыло» которого представляет либерализм. Возможно не каждый, кто отстаивает появившееся на либеральной почве право человека на свободу, согласился бы определять свободу как «...подчинение правде...»⁸⁴, как бы этого хотел К. Войтыла, пишущий далее, что: «зависимость от правды определяет границы характерной человеку автономии [...], зависимость от [...] правды формирует человека в его трансценденции: трансценденция свободы переходит в трансценденцию нравственности». Сторонники либеральной концепции свободы, возможно, сказали бы что-то совершенно противоположное – это свобода должна формировать правду...

Действительно ли Хартия основных прав в большей степени ссылается на наследие Просвещения, чем на христианскую философию?

Проверим еще раз:

Ст. II-10 гарантирует свободу мысли, совести и вероисповедания, дает также возможность как отдельно, так и в сообществе с другими, публично или конфиденциально исповедовать религию или убеждения (посредством богослужения, обучения, религиозных обрядов и ритуалов), а также менять вероисповедание или убеждения, а ст. II-14 гарантирует «свободу создавать образовательные институты с должным уважением к демократическим принципам и право родителей обеспечивать образование и обучение своих детей в соответствии с их религиозными, философскими и педагогическими взглядами». Евросоюз, следовательно, должен быть организацией, отстаивающей толерантность – одну из важнейших идей Просвещения, которой основные представители этой эпохи (Дж. Локк, Вольтер)⁸⁵ посвятили отдельные трактаты, и даже были подвергнуты острой общественной критике за содержание этих трактатов. Гражданин имеет кроме того право отказаться от службы в армии из-за своих убеждений.

Этот документ гарантирует свободу высказывания и информации (ст. II-11), а также свободу собраний и объединений (ст. II-12).

С вышеуказанными записями связано, однако, несколько проблем – а именно т.н. вредная религиозная деятельность, в том числе деятельность сект, и связанные с этим случаи неравенства между мужчинами и женщинами, или же случаи «преступного» обрезания девочек (о мальчиках не говорится – мы полагаем, что подобная процедура для малыша или мальчика, которому лишь несколько лет, в такой же степени травматична, как и для девочки). А что же с обязанностью детей учиться в школе – по польскому законодательству родители обязаны посылать детей в возрасте до 18 лет в школу. А что, если идеи дарвинизма или креационизма, с которыми дети встречаются в школе, или другие формы воспитания не нравятся родителям, могут ли родители воспротивиться и не посылать детей в школу?

Далее следует интересная запись (ст. II-14), касающаяся свободы искусства и науки – приведем полную цитату: «Искусство и научные исследования свободны от давления. Академическая свобода должна уважаться» – а как это соотноситься с содержанием Раздела I: «Достоинство», в которой, в частности, говорилось – напомним – о запрещении евгенической практики, а также запрете клонирования людей? Каким образом эти два положения согласуются друг с другом? Может ли ученый заниматься евгеникой и клонированием или нет?

Категорию свободы, согласно либеральным традициям, наш законодатель связывает с категорией собственности – как будто узаконивая кредо либералов «чем больше собственности,

⁸⁴ К. Wojtyła, *Osoba i czyn*, Lublin 1994, с. 198.

⁸⁵ J. Locke, *List o tolerancji*, Warszawa 1963; Wolter, *Traktat o tolerancji napisany z powodu śmierci Jana Calasa*, Warszawa 1988.

тем больше свободы», поэтому признается свобода предпринимательства (ст. II-16), а также то, что «каждый человек имеет право владеть, пользоваться, распоряжаться и завещать свое имущество, приобретенное на законных основаниях». Разумеется, интеллектуальная собственность должна защищаться таким же образом (ст. II-17).

Следующей ценностью, содержащейся в III Разделе Хартии основных прав Евросоюза, является равенство. И опять-таки, как и в случае категории свободы, ссылаемся на наследство Просвещения, но, на этот раз, на его «левое крыло» (напр., Сийес, Гольбах, Руссо), благодаря чему этот лозунг был размещен на знаменах Французской революции. Равенство, в этом понимании, это равенство перед законом (ст. II-20) и запрещение дискриминации «...по признаку пола, расы, цвета кожи, этнического или социального происхождения, генетических особенностей, языка, религии или убеждений (...), принадлежности к национальному меньшинству, имущественного положения, рождения, нетрудоспособности, возраста или сексуальной ориентации» (ст. II-21). С этим же равенством праводатель связывает уважение к культурному, религиозному и лингвистическому разнообразию (ст. II-22), а также равенство между мужчинами и женщинами во всех областях жизни. Однако, авторы этого документа как-то странно дополняют данное положение новым, которое вступает в противоречие с так понимаемой свободой – а именно: «Принцип равенства не препятствует сохранению или принятию мер, предусматривающих специальные преимущества в пользу недостаточно представленного пола». (ст. II-23) – следует отметить, что это немного энигматичное положение: получается, что в некоторых случаях некоторые более равны – повелею «Скотным двором» Оруэлла.

К категории равенства присовокуплены также права ребенка, людей в пожилом возрасте и нетрудоспособных людей. Так, например, дети, кроме того, что они защищены различными институтами, приобретают право выражать свои взгляды (ст. II-24), старики (мы использовали здесь неполиткорректное слово, которого, разумеется, не найдем в тексте данного документа) обретают право «...вести достойную и независимую жизнь и участвовать в общественной и культурной жизни» (ст. II-26), а нетрудоспособные люди – право «...извлекать пользу от мер, направленных на то, чтобы обеспечить их независимость, социальную и профессиональную интеграцию и участие в общественной жизни» (ст. II-26) (в этом случае можно придаться к тому, что старым людям дано право участвовать в «общественной и культурной жизни», а нетрудоспособным лицам – «в жизни общества?»*).

Перейдем к следующему (четвертому) разделу Хартии – «Солидарность». С этой идеей соглашается как социалистическая, так и католическая общественная мысль – за права работника, безопасности труда, подобающий размер заработной платы еще в XIX веке боролись социалистические (в идейном плане) профсоюзы, но об этом же говорится и в энциклике *Rerum Novarum* Льва XIII, изданной в 1891 г. Кстати, эту мысль развивает также Иоанн Павел II в энциклике, изданной в 90-ю годовщину публикации *Rerum Novarum – Laborem Exercenes*. Нет ничего удивительного в том, что эту ценность (пусть даже декларативно) столь сильно поддерживают поляки, а также их общественные и политические лидеры, гордящиеся тем, что эта ценность была внесена в европейское наследство именно по инициативе Польши. Будучи поляком, я, тем не менее, считаю, что в значительной степени, это чувство весьма преувеличено...

Вернемся, однако, к содержанию Хартии, именно к тому, с чем связана категория солидарности. Это, в частности, справедливые условия труда (безопасность труда, ограничения его максимальной продолжительности, право на отдых – еженедельный отдых и отдых с сохранением зарплаты) (ст. II-31); право на то, чтобы профессиональная жизнь не разрушала семейную жизнь, особенно в период материнства (ст. II-33).

---

* Читая польский вариант текста Хартии этот вопрос становится еще более обоснованным, поскольку там имеет место явная ошибка при переводе. В английском оригинале права пожилых людей распространяются на «social and cultural life» (в русском переводе – на «общественную и культурную жизнь», в польском – на „życie społeczne i kulturalne”), в случае же нетрудоспособных лиц речь в польском переводе идет исключительно о „życiu społecznym” (т.е. об «общественной жизни»). В оригинале же речь идет о «life of the community» (так же и в русском переводе – «жизнь общества»). Таким образом, если мы будем интерпретировать «жизнь общества» как совокупность всех форм человеческого общежития, придется признать, что документ никак не ущемляет прав нетрудоспособных лиц, поскольку «жизнь общества» включает в себя как «общественную жизнь», так и «культурную жизнь» – прим. перев.

Солидарность должна связываться также с социальным обеспечением и социальной помощью «...в случае наступления материнства, болезни, несчастных случаев на производстве, нахождения на иждивении или пожилого возраста, утраты занятости...» (ст. II-34).

Что касается последнего случая (утрата места работы), оригинальной концепцией, предложенной христианами демократами, является принцип вспомогательности (субсидиарности). Применение этого принципа могло бы сильно помочь нуждающимся. Он опирается на три основных положения:

– **запрет на лишение человека работы** – если лицо, благодаря своему труду, может прокормить себя и свою семью, общество должно сделать все возможное, чтобы это лицо могло и дальше это делать,

– **субсидиарная поддержка** – если, несмотря на это, лицо утратило такую возможность, общество должно поддержать его (напр., путем возможности переквалификации, обретения новых умений и получения финансовой поддержки на этот период),

– **субсидиарная редукция** – когда человек опять станет самостоятельным, следует его лишить этой поддержки.

Очень интересным, но несомненно важным вопросом является охрана окружающей среды (ст. II-37). В статье предполагается, что результатом применения принципа устойчивого развития, являющимся целью Евросоюза, не может быть уничтожение окружающей среды. (Интересным здесь является случай долины реки Роспуды, по территории которой должна пройти объездная автодорога вокруг города Августов. В этом случае столкнулись интересы жителей города, через центр которого ежедневно проезжают тысячи грузовых автомобилей (маршрут на Восток) и интересы экологов, которые не хотят допустить того, чтобы потребности цивилизации привели к нарушениям экосистемы, которой еще не коснулась техническая цивилизация).

Два следующих раздела это, скорее всего принципы, а не аксиологические ценности. Первый из них – ‘гражданские права’. Даже поверхностный обзор статей, составляющих этот раздел, позволяет заметить, что целью этого раздела является распространение идеи индивидуализма – опять-таки одной из основных ценностей либерализма. Суть раздела в том, чтобы в споре «гражданин – государство» интересы человека всегда стояли на первом месте, поскольку только он считается реальным субъектом права. Поэтому гражданин Евросоюза имеет право на хорошую организацию государственного управления (ст. II-41), а в случае несоблюдения этого требования, он может, в частности, обращаться к Европейскому Омбудсмену с просьбой о защите своих интересов (ст. II-43), а также может обращаться с соответствующей петицией в Европейский Парламент (ст. II-44).

Второй принцип – правосудие. Хотя в названии раздела и не упоминается об этом, речь идет, как и в предыдущем разделе, о защите индивида от государства. И положение это должно осуществляться через «...право на справедливое и публичное слушание его дела в разумный срок независимым⁸⁶ и беспристрастным судом, предварительно учрежденным законом» (ст. II-47), презумпцию невиновности и право на защиту (ст. II-48), принципы законности и соразмерности преступления и наказания (ст. II-49). В первом случае (принцип законности) имеется в виду соблюдение старого принципа «lex retro non agit» – «закон не имеет обратной силы». (В этом свете странно выглядит попытка ввести в Польше люстрационный закон, служащий проверке среды ученых и журналистов).

В принципе правосудия заложено также то, что никто не может привлекаться к суду и уголовному наказанию дважды за одно и то же преступление, если он был оправдан или судим «...в пределах Евросоюза в соответствии с законом» (ст. II-50).

Подытоживая, можно сказать, что в этой статье были затронуты только несколько ценностей и принципов, которые должны составлять аксиологическую основу самоощущенности европейцев. Как было показано, они не исходят из одной и той же аксиологической системы, а иногда даже противоречат друг другу. Встает вопрос, не является ли девиз Евросоюза «объединены в многообразии» лишь пустой фразой, которая должна лишь привлечь внимание своей маркетинговой риторикой? Можно ли действительно объединиться без общей однородной аксиологической системы? Можно, конечно, заключать с другими разного рода союзы, борясь с образом жизни и позициями (наших врагов), которые направлены против

---

⁸⁶ Независимым, разумеется, от исполнительной и законодательной властей – это однозначная ссылка на традиции Просвещения и идею трихотомического раздела власти авторства Монтескье.

нас, но настоящая интеграция должна опираться не на принцип «против» (них), а на принцип «для» (нас). Возможно настоящая интеграция должна строить свою самоидентичность по образцу американцев, опираясь, скорее, на будущее – общие интегрирующие цели, которые невозможно достичь «отдельно», чем на прошлое, которое всегда европейцев делило, а не объединяло.

ПОНЯТТЯ ГРИ В ЄВРОПЕЙСЬКІЙ ГУМАНІСТИЦІ

Гра – поняття амбівалентне. Дослідники наголошують на окремих її властивостях, тому відповідно до контексту розуміння поняття гри змінюється. Приміром, у математиці застосовують термін «теорія ігор» (Нейман, Моргенштерн), де гра є процесом, у якому беруть участь дві чи більше сторін, що ведуть боротьбу за реалізацію своїх інтересів, а у психології (Л. Виготський, Е. Берн, Г. Бейтсон, Д. Ельконін) важливими є дослідження ролі гри у становленні людини як особистості чи ролі гри у житті загалом.

Гру в літературі почали активно досліджувати відносно нещодавно, в основному спираючись на літературні тексти постмодернізму. Сучасні розробки теорії гри висвітлені у працях: О. Сачик, М. Ігнатенко, М. Коваль, С. Лізлової, Л. Пікун, О. Підмосковних, С. Жигун, М. Зубрицької, М. Іловінського, Є. Яженбського, Дж. Ерманна, Б. Кіршенблатт-Гімблетта. Але, безперечно, про гру та різні її аспекти розмірковували набагато раніше. Вперше звернув увагу на це явище Платон. Філософа випередив у розмірковуваннях хіба Геракліт з метафорою «дитини, яка бавиться», що означала ідею хиткої гармонії світу.

Платон виклав власне розуміння гри у «Законах», де він розрізняє два грецькі слова на її позначення: **paidia** (від *paidzo*) – дитяча гра та **agon** – змагання, битва, до яких відносить як гімнастичні змагання, кінні перегони чи полювання так і музичні ігри, поетичні декларації, танцювальні танки. Як зазначає Ельжбета Воліцька, «поняття перше підкреслює несерйозний характер дії. Друге ж поняття не має такої конотації – оскільки змагання іноді буває «на життя чи на смерть», і щонайменше тут йдеться про здобуття слави та поваги» [10;180].

Як *paidia* так і *agon*, за Платоном, є явищами міметичними, належать до «штучної» дійсності, а отже до сфери культури. Грецьке поняття культури пов'язане з поняттям виховання – *paideia*. Збіг у звучанні слів *paidia* та *paideia* видавався філософу не випадковим. Платон підтверджував це роллю гри у процесі виховання людини, про що йдеться вже в першій книзі «Законів»: «нехай він (вихователь-філософ – О. С.) за допомогою цих ігор направить смаки і схильності дітей до того заняття, у якому вони в майбутньому повинні досягнути досконалості. Найбільш важливим у навчанні ми визнаємо відповідне виховання, що вносить у душу граючої дитини любов до того, в чому вона, коли виросте, має стати знавцем і досягнути довершеності» [див.: 7; 643 с, d].

У «Політиці» Платон також протиставляє гру-*paidia*, як міметичне явище, поважному заняттю *spoude*, з докладним баченням предмета та чітко визначеною ціллю. Поезія (як і, загалом, все міметичне мистецтво) є саме такою забавкою, несерйозною грою. Натомість філософські розмірковування є заняттям серйозним.

Проте, на сторінках «Законів» знаходимо докази, що серйозність і несерйозність, гра та смішне мають два обличчя: низьке і шляхетне (наприклад, 935 b). Окрім того, гра (*agon*) може бути серйозною, особливо коли вона має правила або ж постає у формі поєдинка, де є бажання обійти противника (814e). З іншого боку, навіть філософ має певні комічні риси, бо «не будучи богом, претендує на знання божого і втаємничення в найвищу правду» [10;183,184].

Інше розуміння гри знаходимо у Платоновому проекті ідеальної держави, де людина має надзвичайно достойне заняття – вона може жити в цій державі «граючи». Розвиває філософ цю теорію в «Законах», де, розмірковуючи над поняттям серйозності/несерйозності, висуває тезу, що «тільки Бог гідний найвищої серйозності, а людина створена іграшкою Бога і це найкраща доля для неї. Тому кожен чоловік і кожна жінка повинні жити у відповідності з цим, граючи в